

АЙСЕДОРА ДУНКАН В РОССИИ

В современной музыке дано звучащее единство религии и чувственности и, стало быть, больше женщины, чем когда-либо в прежней музыке.
Ф.Ницше.

26 мая исполнилось 120 лет со дня рождения **Айседоры Дункан**, женщины и актрисы, творчество которой оказало немаловажное влияние на все последующее развитие искусства танца и, в частности, западно-европейского балета.

Личность Айседоры таит в себе много интересного и загадочного. Она много выстрадала как женщина, но имела оглушительный успех как танцовщица. Дункан первая взяла на себя смелость заявить, что "движения, которым учит школа балета наших дней, движения, которые тщетно борются с естественными законами тяготения, с естественной волей индивидуума и состоят в глубоком противоречии как с движениями, так и с формами, созданными природой, — эти движения по существу своему бесплодны, то есть не рождают с неизбежной необходимостью новых будущих форм, но умирают так же, как и произошли". Она культивировала человеческое тело как самое лучшее и гениальное создание природы. Под впечатлением от знакомства с работами немецких философов — Шопенгауэра и Ницше Дункан создала свой манифест "Танец будущего". Приняв идею о Сверхчеловеке, она видела приближение Великой будущей танцовщицы, которая придет в образе "свободного духа свободной женщины будущего". Она должна олицетворить миссию женского тела и святость всех его частей, внести новое понятие о красоте, красоте душевной и телесной. Женщина будет править миром прекрасного и в своем танце выражать чувства и мысли тысяч других женщин, свободных от внешних влияний и изменений окружающего мира. Именно эту идею Айседора пыталась воплотить своим танцем, донести до современного ей зрителя свои чувства, мысли, переживания.

В отличие от исполнительниц классического репертуара искусство Дункан глубоко индивидуально. Конечно, она создала свою школу танца (и не одну), которую впоследствии возглавила ее приемная дочь Ирма Дункан, и не где-нибудь, а в России, в которую и приехала в 1921 году с этой целью. Но никто из ее последовательниц так и не смог полностью понять всю сущность ее танца, понять и передать потомкам.

25 декабря 1904 года Дункан впервые оказалась в России, в Санкт-Петербурге и поселилась в гостинице "Европейская".

Ее концерт был назначен на 29 декабря. На Айседору Дункан пришли посмотреть великий князь **Владимир Александрович** с великой княгиней **Марией Павловной**, великий князь **Борис Владимирович**, общественные деятели Санкт-Петербурга, интеллигенция и артистический мир, в их числе **Фокин** и **Дягилев**. Реакция зрителей и критиков на выступление Айседоры, состоявшее из танцев на музыку **Шопена**, было одинаково восторженной. В декабрьском выпуске (№ 53) 1904 года журнала "Театр и искусство" было написано:

"Для Дункан общепринятое значение слова "танец" абсолютно не подходит... Это полуобнаженная девуш-

ка, появляющаяся на освещенной сцене в полупрозрачной греческой тунике и дающая полную свободу движениям своего тела. Она босая, ничто не стесняет ее движений. Пропорционально сложенная фигура. Ее внешность нельзя назвать выдающейся, но у нее очень привлекательное, спокойное лицо. Тем не менее первое впечатление очень сильно из-за необычности увиденного. Но как только начинают звучать первые аккорды мазурки Шопена и мисс Дункан, оживая, начинает танцевать, первое впечатление исчезает. Перед нами не создающая сенсацию женщина. Перед нами актриса...". "В ней есть то, — писал **Волошин** в своей статье "Айседора Дункан", — что есть в египетских статуях, то, чего не знали греки: она делает видимым цвет воздуха, касающегося ее тела".

Американская танцовщица не оставила равнодушными к ее творчеству русских балерин **Кшесинскую** и **Павлову**, которые, в свою очередь, пригласили Айседору на балеты с их участием. Павлову Дункан видела в балете "Жизель", и, несмотря на то, что движения классического балета противоречили ее танцевальным убеждениям, Айседора не могла удержаться от "горячих" аплодисментов. Американская танцовщица была приятно удивлена такому теплomu приему со стороны русских артисток балета, так как сама давно уже привыкла к холодному и враждебному отношению к ее творчеству в Байрейте.

А молодая балерина Мариинского театра **Тамара Карсавина** писала:

"Айседора... быстро завоевала театральный мир Петербурга. Конечно, были реакционные балетоманы, которые считают саму идею босоногой танцовщицы полностью отрицающей основные принципы того, что они считают настоящим искусством. Однако это далеко не общее мнение, и дух желания новизны просто витал в воздухе... Я помню, что когда впервые увидела ее танец, то полностью подпала под ее власть. Я никогда не считала, что между ее и моим искусством

есть какая-то враждебность. Для них обоих есть место, и каждой из нас есть чему поучиться друг у друга".

Впоследствии Айседора и Анна Павлова стали добрыми подругами, которые уважали и ценили талант друг друга, взаимообогащая свое творчество.

Следующие гастроли Айседоры пришлось на конец декабря 1907 года. Сначала она посетила Петербург, где дала несколько концертов, а затем 10 января уехала в Москву, где планировала пробыть до 20 января. И эти гастроли ознаменовались ее встречей с **К.Станиславским**, о которой она подробно пишет в своих мемуарах и о которой сам Станиславский упоминает в своей статье "Дункан и Крэг": "Первое появление Дункан не произвело впечатления. Непривычка видеть на эстраде почти обнаженное тело мешала разглядеть и понять самое искусство артистки".

И тем не менее, уже к концу выступления Айседоры он стоя аплодировал ее искусству. Впоследствии он напишет о ней: "Дункан не умела говорить о своем искусстве последовательно, логично, систематично. Большие мысли приходили к ней случайно, по поводу самых неожиданных обыденных фактов. Так, например, когда ее спросили, у кого она училась танцу, она ответила: "У Терпсихоры. Я танцевала с того момента, как научилась стоять на ногах. И всю жизнь танцевала. Человек, все люди, весь свет должны танцевать, это всегда было и будет так. Напрасно только этому мешают и не хотят понять естественной потребности, данной нам самой природой. Et voila tout! — закончила артистка на своем американско-французском языке..."

В доме актера и театрального художника **Георгия Якулова** она познакомилась с молодым поэтом **Сергеем Есениным**. Между ними тут же вспыхнула страсть, которая, возможно, и не переросла потом в любовь (по крайней мере со стороны Есенина), но оставила неизгладимый след в судьбе Дункан, которая самоотверженно отдалась этому чувству, хватаясь за него, как утопающий хватается за соломинку. Есенин стал единственным, ради кого она жила и творила. Забыв обо всех своих убеждениях по поводу брака и клятвах никогда не выходить замуж, она становится женой Есенина, берет его фамилию и вместе с ним уезжает за границу. 1923 — 1924-й — годы возвращения в Россию, но также и годы окончательного разрыва между Дункан и знаменитым поэтом. Американская танцовщица очень страдала из-за ухода от нее Есенина, но без него ей стало легче работать. Знаменитый русский поэт еще не раз после его разрыва с Дункан пытался увидеться с ней, ощутить ее присутствие. Что-то необъяснимое, но поддающееся описанию тянуло его к ней, он продолжал видеть в ней женщину. Несмотря на восемнадцатилетнюю разницу в возрасте, невидимая нить связала их навсегда.

Всю свою жизнь Дункан как будто билась в закрытую дверь, но ее упорство оставалось только позавидовать. "Айседора Дункан взяла у природы ту силу, которая зовется уже не талантом, а гением", — напишет про нее впоследствии **Огюст Роден**. И с этой мыслью никак нельзя не согласиться, ведь для него она была просто "величайшей женщиной из тех, кого знал мир".

Анастасия ТАРАСОВА,
студентка РАТИ.